

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.А. Романенко

Южный федеральный университет

HISTORICAL MEMORY IN THE FIELD OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

M. Romanenko

Southern Federal University

Аннотация. *Статья посвящена методологическим аспектам исследования исторической памяти. Не смотря на значительный период самостоятельного существования исследовательского направления memory studies, его представители до сих пор не пришли к единому мнению относительно сущности изучаемого феномена. Но методологическая «нестрогость» в трактовке исторической памяти дает исследователям широкие возможности. В работе в качестве примеров междисциплинарного подхода к исторической памяти рассматриваются категории «дискурса», «образа», «текста», позволяющие во всей глубине исследовать механизм исторической памяти.*

«Мемориальный сдвиг» («мемориальный бум» или «мемориальная парадигма») уже на протяжении нескольких десятков лет стал устойчивой характеристикой гуманитарного знания. Возросший интерес к памяти у представителей различных социо-гуманитарных наук (прежде всего историков, а также философов, культурологов, социологов), наблюдающийся с 80-х годов XX в., позволил к концу столетия сформировать самостоятельное предметное поле «memory studies», или «мемориальные исследования». Во многом это связывают с кризисом классической парадигмы рациональности, предполагающей поиск логичности и закономерности в процессе исторического развития. Разочарование в идеи рациональности исторического процесса и отказ от нее, а также многие социокультурные изменения, трагедии и катастрофы прошедшего века привели к пересмотру структуры и функций гуманитарных наук. «К концу XX в., в эпоху «кризиса модерна», в профессиональной среде все чаще стали звучать высказывания, что важнейшей функцией истории является сохранение социальной памяти – ключевого механизма самоидентификации общества» [Леонтьева, 2011: 6].

Проблема памяти и проблема прошлого стали объектами не только научных исследований, но и вышли за пределы академического дискурса, став одной из центральных тем современной общественной и культурной жизни. В научной литературе продолжают дискуссии о сущности понятий «историческая память», «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «образ прошлого», а также о соотношении памяти и истории, «исторической памяти» и «исторического сознания», что еще раз подчеркивает актуальность проблемы памяти.

Память – это понятие, которое используют многие науки, «понятие-перекресток» [Ле Гофф, 2013: 79]. Память может быть рассмотрена в нескольких аспектах. В первую очередь необходимо сказать о памяти, как о психическом процессе сохранения и воспроизведения какой-либо информации, что связано с использованием психических функций и является предметом изучения психологии, биологии и психиатрии. Но кроме этого память тесно связана и с множеством феноменов, которые уже представляются объектами наук о человеке и обществе, а значит, имеет и надындивидуальное (коллективное, социальное) измерение.

К сегодняшнему дню уже сложились влиятельные исследовательские школы, задающие тенденции в изучении исторической или культурной памяти, а число публикаций по этой теме неустанно растет.

Проблема памяти заинтересовала мыслителей еще в эпоху Античности: в той или иной степени, ее касались Платон, Аристотель, Плотин и др., но интерес фокусировался на индивидуальном измерении памяти. В XVII – XVIII веках начинает складываться традиция научного исследования памяти в работах Т. Гоббса, Ф. Бэкона, Д. Юма, Дж. Вико и др.

Уже в начале XX века одним из первых исследователей, обратившихся к теме памяти, стал французский социолог М. Хальбвакс, разработавший под влиянием философии Э. Дюркгейма теорию коллективной памяти [См.: Хальбвакс, 2007]. Более широкое распространение тема памяти получила во второй половине XX века. В зарубежной науке можно выделить следующих ученых-представителей *memory studies* – Я. Ассман, П. Рикер, Й. Рюзен, Ж. Лэ Гофф, П. Нора, М. Феро, А. Ассман, А. Эткнд и др.

Я. Ассман, например, отрицая существование «коллективного субъекта» памяти, ввел понятие «культурная память» как особой символической формы актуализации и передачи опыта прошлого: «Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман, 2004: 54]. Будучи

египтологом, Ассман разработал свою теорию на материале древних культур: египетской, израильской и древнегреческой.

Французский историк П. Нора развивает концепцию «мест памяти» как объектов, в которых кристаллизуется прошлое и сохраняется связь прошлого и настоящего. Он подчеркивает, что «местом памяти» может стать любой объект, при условии материальности, символичности и функциональности [См.: Нора, 1999].

В отечественной науке интерес к проблеме исторической памяти сформировался в 90-е годы XX века и эта исследовательская тенденция сохраняется до сих пор. Среди авторов можно выделить Л.П. Репину, И.М. Савельеву, А.В. Полетаева, О.Б. Леонтьеву, Н.Г. Брагину, А.И. Макарова, В.В. Нуркову, В.Ю. Апрыщенко и др. Кроме теоретических подходов к изучению исторической памяти широкое распространение среди представителей различных дисциплин получило рассмотрение конкретных образов прошлого и анализ функционирования памяти в определенном историко-культурном контексте¹.

До сих пор представители *memory studies* не пришли к единому мнению во взглядах на сущность феномена исторической памяти. Методологическая «нестрогость» в его определении и отсутствие четких содержательных рамок позволяют трактовать историческую память и как социальный запас знаний о прошлом, и как индивидуальную память, и как память группы или память коллектива, и как идеологический проект памяти государства, а также как историческое сознание в целом. Разнообразие содержания говорит о многозначности феномена исторической памяти, а также дает исследователям широкие возможности в изучении различных форм представлений о прошлом.

Несмотря на весь спектр различий в концептуальной трактовке исторической памяти, можно выделить ряд общих моментов, которые позволяют назвать интересующий нас объект междисциплинарным.

Историческую память можно понимать как определенный срез (измерение) индивидуальной или коллективной² памяти, объектом которой является историческое прошлое. Историческая память не просто аккумулирует всё знание о прошлом, но и символически его

1 В качестве примеров здесь можно привести сборники: *Память о войне 60 лет спустя* (М. 2005), *История и память* (под ред. Л. Репиной. М. 2006), *Диалоги со временем* (под ред. Л. Репиной. М. 2008) и др.

2 В своем исследовании «Память в языке и культуре» Н.Г. Брагина предлагает несколько видов памяти, различие которых зависит от способа употребления в разных типах дискурса. Термин «коллективная память» в системе классификации встречается два раза: как не личную, не индивидуальную и как принадлежащую социальной группе [Брагина, 2007: 137]. В данном случае речь идет о «неиндивидуальной» памяти.

репрезентирует и делает это прошлое социально значимым в настоящем. Исследователи памяти, даже те, которые отрицали коллектив или группу в качестве носителя (субъекта) памяти, сходились в том, что память о прошлом тесно связана с идентичностью группы и самоидентификацией индивида по отношению к группе, «ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [Репина, 2003: 10].

Такие категории, как настоящее, прошлое и будущее нельзя рассматривать опосредованно. Так, память связана не только с прошлым, но и с настоящим, и даже с будущим. Связь эта не является однонаправленной, а существует в обоюдных направлениях: через обусловленность настоящего и будущего прошлым и конструирование прошлого (реального или воображаемого) согласно настоящему или с футуристической направленностью. «Память бесконечна, все сознание опосредовано ею, даже сиюминутное ощущение настоящего получает осмысление посредством памяти» [Репина, 2003: 12].

Именно реконструктивный характер исторической памяти вытекает из связи прошлого с настоящим, точнее актуализации прошлого в соответствии с проблемами и потребностями настоящего. Память индивида обладает такими механизмами как запоминание, забывание, вспоминание и актуализация, т.е. индивид помнит то, что ему нужно запомнить, и забывает то, что не является важным, но какое-либо событие в настоящем способно актуализовать воспоминание о прошедшем событии или явлении. Аналогию можно провести и с историческим прошлым для памяти группы или коллектива, где процессы запоминания, забывания, актуализации и воспоминания будут обусловлены социальными явлениями. Таким образом, изменения в социальных условиях влекут за собой изменения в исторической памяти.

В структуре исторической памяти выделяют источники, механизмы и факторы ее формирования. Источники, среди которых можно выделить личный опыт, науку и искусство, призваны зафиксировать информацию об историческом событии и преобразовать ее в том или ином виде (художественный образ, логическая структура и устное или письменное воспоминание). Механизмы исторической памяти, в свою очередь, отвечают за процессы трансляции

исторических знаний.

Методология изучения исторической памяти исходит из того, что память можно представить одновременно в виде текста и образа, а точнее, их совокупностей. «...текст может быть насыщен образами, а образ – семантически расшифрован с помощью текста. Но в большинстве случаев текст и образ анализируются с помощью различных исследовательских методик и различных категорий» [Леонтьева, 2011: 9].

Очень часто основой обыденных представлений о прошлом становятся образы событий или исторических личностей в художественных и литературных произведениях¹. В исследованиях памяти изучение и анализ конкретных «образов прошлого» сформировалось уже как самостоятельное исследовательское направление. Как правило, в таких случаях рассматривают не столько соответствие или несоответствие образа, будь то яркая историческая личность или событие, исторической действительности, сколько то, как именно формируется этот образ, как он встроен в политический дискурс и какова его ценностная и семантическая нагрузка, а также изменение того или иного образа. Такой подход позволяет проследить через художественные произведения процесс складывания представлений о прошлом, их семантическое и аксиологическое наполнение и увидеть в итоге готовые образы, придающие историческим фактам целостность, выразительность и социальную значимость.

Если представлять память как текст или как совокупность текстов, то такой подход предполагает изучение «дискурса памяти», т.е. различных способов высказывания и повествования об исторических событиях или личностях, которые и организуют рассказ о прошлом². Методологический инструментарий такого подхода дает исследователю целый спектр возможностей. Изучаться может формирование исторического нарратива и составляющих его образов, их положение в дискурсивной стратификации и их маркирование, выделение основных и второстепенных исторических событий, приемы концептуализации и т.д.

Различные виды дискурса, в которых может функционировать историческая память, соответственно, и определяют разные спо-

1 Один из таких примеров формирования мифологизированного образа прошлого рассматривает российский историк И.Н. Данилевский [См.: Данилевский, 2005].

2 Под дискурсом вслед за М. Фуко мы будем понимать «тип сцепления высказываний». Фуко определяет дискурс как способ описания в цепочке высказываний жизненного пространства. Дискурс – это результат разработки, в которой «используются язык и мысль, эмпирический опыт и категории, пережитое и идеальные необходимости, случайное совпадение событий и набор формальных принуждений» [Фуко, 2004: 157].

собы ее формирования и функционирования. Исторические события могут быть рассмотрены в одном из видов дискурса, которых можно выделить большое количество. Так, в зависимости от способа описания можно выделить эпический, религиозно-сакральный, мифический, просветительский, официальный и другие виды дискурса, а исходя из типа идентичности – национальный, гражданский, имперский, региональный и др. дискурсы.

Таким образом, мы можем заключить, что такой многогранный объект как историческая память невозможно изучать в рамках методологического аппарата одной конкретной науки. Использование таких категорий, как «дискурс» и «образ» делают оправданным обращение к филологии, культурологии и искусствоведению, а изучение процессов воспоминания, забывания, актуализации исторических событий в масштабе социальных групп оправдывает использование социологических методов. Именно междисциплинарный подход в исследовании исторической памяти позволяет как можно глубже изучить структуру идентичности социальных групп.

Литература

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Данилевский И.Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. URL: http://es-dejavu.ru/n/A_Nevsky.html. Дата обращения: 05.06.2016.

Ле Гофф, Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.